

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ
ВЕК
БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО
ДЕТЕКТИВА

издательство
АСТРЕЛЬ

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ

ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА

Об этой книге	5
Слова благодарности	7
<i>Александра Борисенко</i> Золотой век британского детектива	9

Дж. С. ФЛЕТЧЕР	39
Показания судьи	41
Рой ВИКЕРС	53
Образцовая подделка	56
Г. К. БЕЙЛИ	71
Длинный курган	73
Эдгар ДЖЕПСОН и РОБЕРТ ЮСТАС	95
Чайный лист	97
АГАТА КРИСТИ	115
Изумруд раджи	118
Пуаро и родосский треугольник	131
Дж. Д. Х. КОУЛ и МАРГАРЕТ КОУЛ	153
У телефона	155
Энтони БЕРКЛИ	173
Карающий случай	175
Г. УОРНЕР АЛЛЕН	193
Вино кометы	195
Рональд А. НОКС	207
Методом пристального взгляда	209
Лорд ДАНСЕНИ	221
Две бутылки приправы	223
Лоэль ЙЕО	235
Дознание	237
Дороти СЭЙЕРС	255
Убийство в Пентекост-колледже	258
Толбойз	268
Генри УЭЙД	287
Пропавший студент	289
ФРИМЕН УИЛЛС КРОФТС	303
Железнодорожный переезд	305
Найо МАРШ	317
Смерть в эфире	319

Лесли ЧАРТЕРИС	343
Человек, который любил игрушки	345
Уилл Скотт	361
Голубая улика	363
Г. К. ЧЕСТЕРТОН	377
Деревенский вампир	381
МАРДЖЕРИ АЛЛИНГЕМ	399
Старик в окне	401
Сирил Хэйр	421
Загадочная смерть Эми Робсарт	423
Э. К. БЕНТЛИ	445
Настоящий табар	447
Ангел-хранитель	463
Николас Блейк	477
Клуб убийц	479
Дэвид Винзер	489
Убийство накануне регаты	491
Ричард КЕВЕРН	503
Железное алиби	505
КАРТЕР ДИКСОН	521
Дом в Гоблинском лесу	523
Джозефина Белл	543
Смерть в больничной палате	545
Николас БЕНТЛИ	553
Бдительный ювелир	555
Энтони ГИЛБЕРТ	563
Черный — цвет невинности	565
А. А. Милн	573
Хлеб по водам	575
Алан ТОМАС	583
Сила привычки	585

КОММЕНТАРИЙ*

От войны до войны: "длинный уик-энд"	595
Дворецкий и другие слуги	596
Загородный дом	601
Столичная жизнь	607
Мир иллюзий	616
Иностранцы	619
Дела семейные	625
Оксфорд и Кембридж	633
Англиканская церковь	641
Мода на археологию	650
Медицина	657
Морские купания	666
Транспортная революция	672
Орудия убийства и технический прогресс	678
Детектив и громкие преступления века	682
Клерихью и поэзия нонсенса	690
Шерлок Холмс	697

ГЛОССАРИЙ

.....	704
Список иллюстраций к рассказам ..	723
Литература	724

* Осторожно: в комментарии могут быть раскрыты сюжетные ходы некоторых рассказов.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

T55

Все права на произведения, включенные в настоящее издание, принадлежат авторам и их наследникам.

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко, Дмитрия Черногаева

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Научные редакторы: Александра Борисенко, Виктор Соськин

T55 **Только не дворецкий.** Золотой век британского детектива : новеллы / Пер. с англ.; Составление А. Борисенко, В. Соськина. — М.: Астрель : CORPUS, 2012. — 728 с.

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

Золотой век британского детектива — это Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс; это автор "Винни-Пуха" А. А. Милн, поэт Сесил Дэй-Люис, а также множество других очень разных и оригинальных авторов, многие из которых совершенно неизвестны русскому читателю. Все они принадлежали к одному кругу, общались, дружили и превратили написание детективов в увлекательную интеллектуальную игру. Они создали Детективный клуб с целой системой правил и ритуалов, сочиняли коллективные описи и пытались разгадывать реальные преступления. Все это легкомысленное, веселое творчество пришлось главным образом на двадцатые–тридцатые годы XX века — мирный промежуток между двумя страшными войнами. Тревожная, бесшабашная, ностальгическая эпоха застыла в детективных рассказах, словно муха в янтаре, — читателю остается лишь перевернуть страницу и погрузиться в этот интереснейший мир. Книга проиллюстрирована рисунками из журналов 1920–1930-х годов, снабжена предисловием, комментарием и глоссарием в картинках.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-271-38533-9 (000 "Издательство Астрель")

- © А. Борисенко, В. Соськин, составление, научное редактирование, 2011
- © А. Борисенко, предисловие, 2011
- © Участники семинара А. Борисенко и В. Соськина, перевод, комментарий, глоссарий, 2011
- © А. Бондаренко, Д. Черногаев, художественное оформление, макет, 2011
- © ООО "Издательство Астрель", 2011
Издательство CORPUS®

ные рассказы (наиболее известный его скетч — очередная история о Шерлоке Холмсе, как ее мог бы написать П. Г. Вудхауз). С конца двадцатых годов одним из самых популярных авторов детективов становится Энтони Беркли. Под именем Фрэнсиса Айлса, которое писатель позаимствовал у своего предка-контрабандиста, он также публикует несколько романов, а с середины тридцатых годов — и многочисленные рецензии на детективы.

В 1928 году Беркли организовал Детективный клуб и стал его первым почетным секретарем. Малькольм Дж. Тернбулл, биограф Беркли, предполагает, что тот втайне надеялся когда-нибудь стать председателем. Однако его ожидания так и не оправдались: после смерти Дороти Сэйерс в председатели была избрана Агата Кристи, а Беркли навсегда покинул клуб. В тридцатые же годы он активно участвовал в нескольких проектах клуба. В финале романа “Последнее плавание адмирала” ему удалось распутать клубок интриги, над которой потрудились Г. К. Честертон, Агата Кристи, Дж. Роуд, Дороти Л. Сэйерс, Рональд Нокс и другие знаменитые писатели. В романе “Спроси полицейского” Беркли не только предложил остроумное решение загадки, но и “обменялся” героями с Дороти Сэйерс, создав прекрасную пародию на Питера Уимзи. По романам и рассказам самого Беркли кочуют два главных персонажа. Роджер Шерингем, сыщик-любитель и к тому же автор детективов, самоуверенный и ехидный, был списан Беркли с одного неприятного знакомого. Позже в угоду публике характер Шерингема был несколько смягчен. Другой персонаж, Амброуз Читтервик, напротив, крайне робок и даже не вполне твердо знает, как надлежит вести расследование, — однако именно ему удается распутать несколько безнадежных дел.

Беркли, как и другие выдающиеся фигуры Золотого века, вносит в детектив психологическую глубину, сосредоточивая внимание читателей на характере преступника. Он идет на смелые эксперименты: раскрывает имя убийцы в самом начале романа или же описывает все события с точки зрения предполагаемой жертвы. Более того, благодаря Беркли получает право на жизнь детектив с “перевернутой оптикой”, когда рассказ ведется от лица убийцы. Нетрудно заметить, что писатель чрезвычайно вольно обращается с правилами Детективного клуба, но, нарушая их, обогащает возможности жанра.

“КАРАЮЩИЙ случай” — пожалуй, самый знаменитый рассказ Беркли, который имел такой успех, что автор взял его за основу романа под названием “Дело об отравленных конфетах”, в котором предложил целых шесть версий преступления. Включенная в текст романа таблица отражает все версии и является, по словам автора, отличным примером “сравнительного детективоведения”. Нужно заметить, что “Дело об отравленных конфетах” — это еще и остроумная пародия на Детективный клуб, авторов детективов и их читателей.

ЭНТОНИ БЕРКЛИ

Карающий случай

Позже Роджер Шерингем склонялся к мысли, что из всех убийств, о которых ему доводилось слышать, дело об отравленных конфетах (так его называли в прессе) было наиболее совершенным по замыслу. Мотив был очевиден, если знать, где его искать, — но никто не знал; план прост, если понять его основной принцип, — но никто не понимал; улики скрыты небрежно, если только догадаться, что их скрывает, — но никто не догадывался. И если бы не одна ничтожная

случайность, которую убийца не мог предвидеть, это преступление вошло бы в сокровищницу величайших нераскрытых тайн.

Вот суть дела, как ее изложил Роджеру старший инспектор Морсби, навестивший его в Олбани примерно через неделю после происшествия.

В пятницу, пятнадцатого ноября, в половине десятого утра сэр Уильям Анструзер, как и всегда, явился в чрезвычайно престижный клуб “Рейнбоу”, что на Пикадилли, и потребовал свою почту. Портье отдал ему три письма и небольшую посылку. Сэр Уильям

ВПЕРВЫЕ РАССКАЗ “КАРАЮЩИЙ СЛУЧАЙ” БЫЛ
ОПУБЛИКОВАН В 1929 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ “ПИРСОНС”.

THE AVENGING ≡ CHANCE ≡

PEARSON'S MAGAZINE, 1929.

прошел в большую гостиную к камину, чтобы открыть конверты.

Через несколько минут вошел другой член клуба, некий мистер Грэм Бересфорд. Его ожидало письмо и несколько рекламных проспектов, и он также подошел к камину, молча кивнув сэру Уильяму. Они едва знали друг друга и за время знакомства не перекинулись, должно быть, и дюжиной слов.

Просмотрев письма, сэр Уильям открыл посылку и почти сразу презрительно фыркнул. Бересфорд взглянул на него, и сэр Уильям, что-то проворчав, протянул ему письмо, которое обнаружил в посылке. Пряча улыбку (другие члены клуба частенько посмеивались над манерами сэра Уильяма), Бересфорд стал читать. В письме сообщалось, что крупный производитель шоколада, компания "Мейсон и сыновья", выпустила новый сорт конфет с ликером, чтобы на этот раз угодить мужчинам. Не соблаговолит ли сэр Уильям принять посланную ему двухфунтовую коробку конфет и сообщить компании свое беспристрастное мнение?

— Они что, принимают меня за какую-то идиотку из варьете? — буживал сэр Уильям. — Чтобы я писал им отзывы про их идиотские конфеты! Идиоты! Я буду жаловаться в этот идиотский комитет. Кто им вообще позволил посылать сюда такую дрянь!

— И все же, мне кажется, нет худа без добра, — попытался успокоить его Бересфорд. — Я тут кое-что вспомнил. Вчера у нас с женой была заказана ложа в "Имперiale". Я поспорил с ней на коробку шоколада против

сотни сигарет, что к концу второго акта она не сможет угадать преступника. Она выиграла. Не забыть бы достать конфет. А вы не видели "Треснувший череп"? Неплохая пьеска.

Сэр Уильям представления не видел и очень доходчиво объяснил это Бересфорду.

— Говорите, вам нужна коробка конфет? — добавил он уже мягче. — Забирайте. Мне эта дрянь ни к чему.

Мистер Бересфорд, как человек учтивый, помедлил, но потом, на свою беду, согласился. Сэкономленные деньги не значили для него ничего, ведь он был очень состоятелен; но всегда приятно избежать хлопот.

По счастливой случайности ни оберточная бумага, ни сопроводительное письмо не сгорели, что само по себе удивительно, поскольку оба джентльмена бросили в огонь конверты от писем. Сэр Уильям смял в один комок бумагу, письмо и бечевку и передал все это Бересфорду, а тот швырнул сверток за каминную решетку. Позже портье извлек его оттуда и из любви к порядку аккуратно поместил в корзину для бумаг, где впоследствии сверток и был обнаружен полицией.

Среди троих невольных героев последовавшей трагедии наиболее примечательным лицом был, конечно же, сэр Уильям. Чрезвычайно румяный и коренастый, он в свои почти пятьдесят выглядел как типичный деревенский сквайр старой закалки и манеры имел соответствующие. Привычки его, особенно в обращении с дамами, также полностью соответствовали традиционному образу важного, вальяжного баронета, каковым он и являлся.

По сравнению с ним Бересфорд казался совершенно неприметным — высокий, темноволосый, довольно симпатичный малый тридцати двух лет, спокойный и сдержанный. Отец оставил ему состояние, но Бересфорд был человеком деятельным и вкладывал средства во многие предприятия.

Как известно, богатство тянется к богатству. Грэм Бересфорд получил деньги по наследству, приумножил их сам — и, разумеется, женился тоже на деньгах. Дочери судовладельца из Ливерпуля досталось после смерти отца чуть ли не полмиллиона. Но, как говорили друзья Бересфорда, дело было вовсе не в деньгах — он просто жить не мог без этой девушки и все равно бы на ней женился, не будь у нее ни фартинга. Высокая, прекрасно образованная, рассудительная, с уже сложившимся характером (три года назад, когда они поженились, ей было двадцать пять), — просто идеальная жена. Возможно, было в ней что-то пуританское, но Бересфорд уже успел отдать дань увлечениям молодости, и хотя дань эта была не слишком обильна, он к тому времени и сам был не прочь стать пуританином. Без сомнения, Бересфорды были совершенно счастливы в браке — чудо в наши дни небывалое.

Но неожиданно откуда-то взялась эта коробочка конфет, повлекшая за собой ужасное несчастье. После ленча за кофе Бересфорд отдал конфеты жене, шуточно объявив, что возвращает долг чести, и жена тут же открыла коробку. Она увидела, что сверху лежат конфеты с начинкой вроде бы только из кирша и мараскина. Бересфорд не любил портить вкус

хорошего кофе и отказался, когда она протянула ему коробку. Тогда она съела первую конфету сама и удивленно заметила, что ликер в начинке необычайно крепкий, просто обжигающий. Бересфорд рассказал ей, что это образец новой серии, и, заинтригованный словами жены, тоже решил попробовать. Начинка и впрямь обжигала, не сказать чтобы нестерпимо, и все же для конфет она была слишком крепкой и чересчур отдавала миндалем.

— Да уж, крепкие, — произнес он. — Там, должно быть, чистый спирт.

— Нет, вряд ли, — ответила жена и взяла вторую конфету. — Но они очень крепкие. Впрочем, мне скорее нравится, чем нет.

Бересфорд съел другую, и ему понравилось еще меньше.

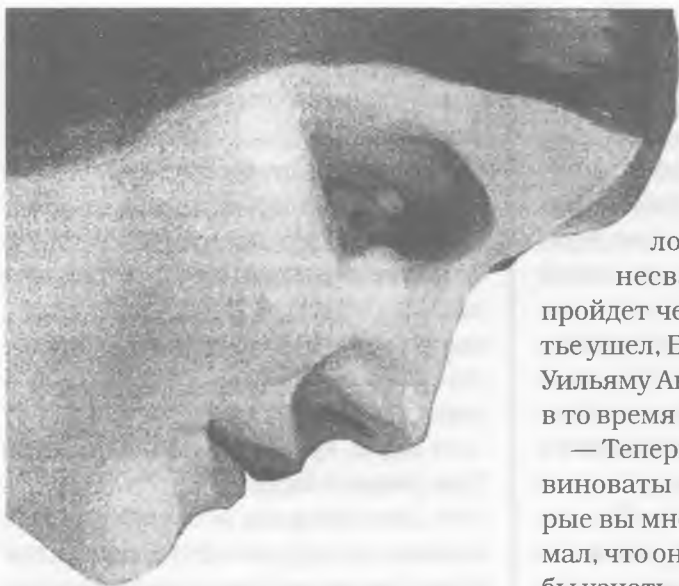
— Нет, мне не нравится, — решительно заявил он. — У меня от них язык немеет. Я бы на твоём месте больше не ел. По-моему, с ними что-то не так.

— Ну это же пробный вариант, насколько я понимаю, — сказала она. — Но они и правда обжигают. Никак не пойму, нравится мне или нет.

Через несколько минут Бересфорд отправился в Сити, где у него была назначена деловая встреча. Когда он уходил, жена все еще пробовала конфеты, пытаясь наконец решить, нравится ли ей их вкус.

Позже Бересфорд очень отчетливо вспоминал этот короткий диалог: оказалось, что тогда он видел жену живой в последний раз.

Это было примерно в половине второго. Без четверти четыре Бересфорд приехал в клуб из Сити на такси. Ему было дурно. Шофер и портье помогли

ему войти в клуб, и потом оба утверждали, что он был ужасно бледен, весь в испарине, с остановившимся взглядом и посиневшими губами. Однако сознание его оставалось ясным, и когда ему помогли подняться по ступенькам

внутри, он с помощью портье прошел в гостиную.

Когда он уходил, жена все еще пробовала конфеты, пытаясь наконец решить, нравится ли ей их вкус.

Встревоженный портье хотел сразу же послать за доктором, но Бересфорд, который не любил зря поднимать шум, не позволил ему, предположив, что это всего лишь несварение желудка, которое пройдет через пару минут. Когда портье ушел, Бересфорд обратился к сэру Уильяму Анструзеру, находившемуся в то время в гостиной.

— Теперь мне кажется, что во всем виноваты проклятые конфеты, которые вы мне отдали. Я еще тогда подумал, что они какие-то странные. Надо бы узнать, как моя жена се...

Он внезапно замолчал. До этого он сидел, бессильно откинувшись на спинку кресла, и вдруг его тело резко выпрямилось, челюсти сомкнулись, бледные губы растянулись в страшном оскале, а руки вцепились в подлокотники кресла. В тот же момент сэру Уильям почувствовал сильный запах горького миндаля.

Перепуганный сэр Уильям, думая, что у него на глазах умирает человек, стал громко звать доктора и портье. На крик сбежались все, кто был в клубе, и Бересфорда, бесчувственное тело которого сотрясали судороги, постарались уложить поудобнее. Еще до приезда доктора в клуб позвонил взволнованный дворецкий Бересфорда, который разыскивал хозяина и просил его срочно приехать домой, так как миссис Бересфорд серьезно больна. На самом деле она уже была мертва.

Бересфорд не умер. Ему досталось не так много яда, как его жене, которая после его отъезда съела, должно быть, не меньше трех конфет. Потому на Бересфорда яд подействовал медленнее, и врач успел его спасти. Впоследствии выяснилось, что доза не была смертельной. Тем же вечером около восьми Бересфорд пришел в себя; на следующий день он был почти здоров. Что же касается несчастной миссис Бересфорд, врач приехал слишком поздно, и она вскоре скончалась, не приходя в сознание.

Полиция взялась за это дело, как только поступило сообщение о смерти миссис Бересфорд от отравления, и очень скоро стало ясно, что все сводится к конфетам, которые и послужили причиной ее гибели. Сэра Уильяма допросили, из мусорной корзины извлекли письмо и оберточную бумагу, и Бересфорд еще не пришел в себя, а инспектор уже отправился побеседовать с управляющим компании "Мейсон и сыновья". Скотленд-Ярд работает быстро.

На этом этапе расследования полиция руководствовалась теори-

ей, основанной на показаниях сэра Уильяма и заключениях двух врачей. Предполагалось, что из-за преступной халатности одного из сотрудников Мейсона в начинку новых конфет попало чрезмерное количество миндального масла, которое, по мнению доктора, и вызвало отравление. Эта версия была опровергнута управляющим: он утверждал, что в их производстве миндальное масло никогда не использовалось.

Однако это были еще не все новости. С нескрываемым изумлением прочитав письмо, которое прилагалось к конфетам, управляющий решительно заявил, что это подделка. Ни подобных писем, ни таких образцов компания никогда не рассылала; создание нового сорта конфет с ликером даже не обсуждалось. В той роковой коробке был самый обычный шоколад фирмы "Мейсон и сыновья".

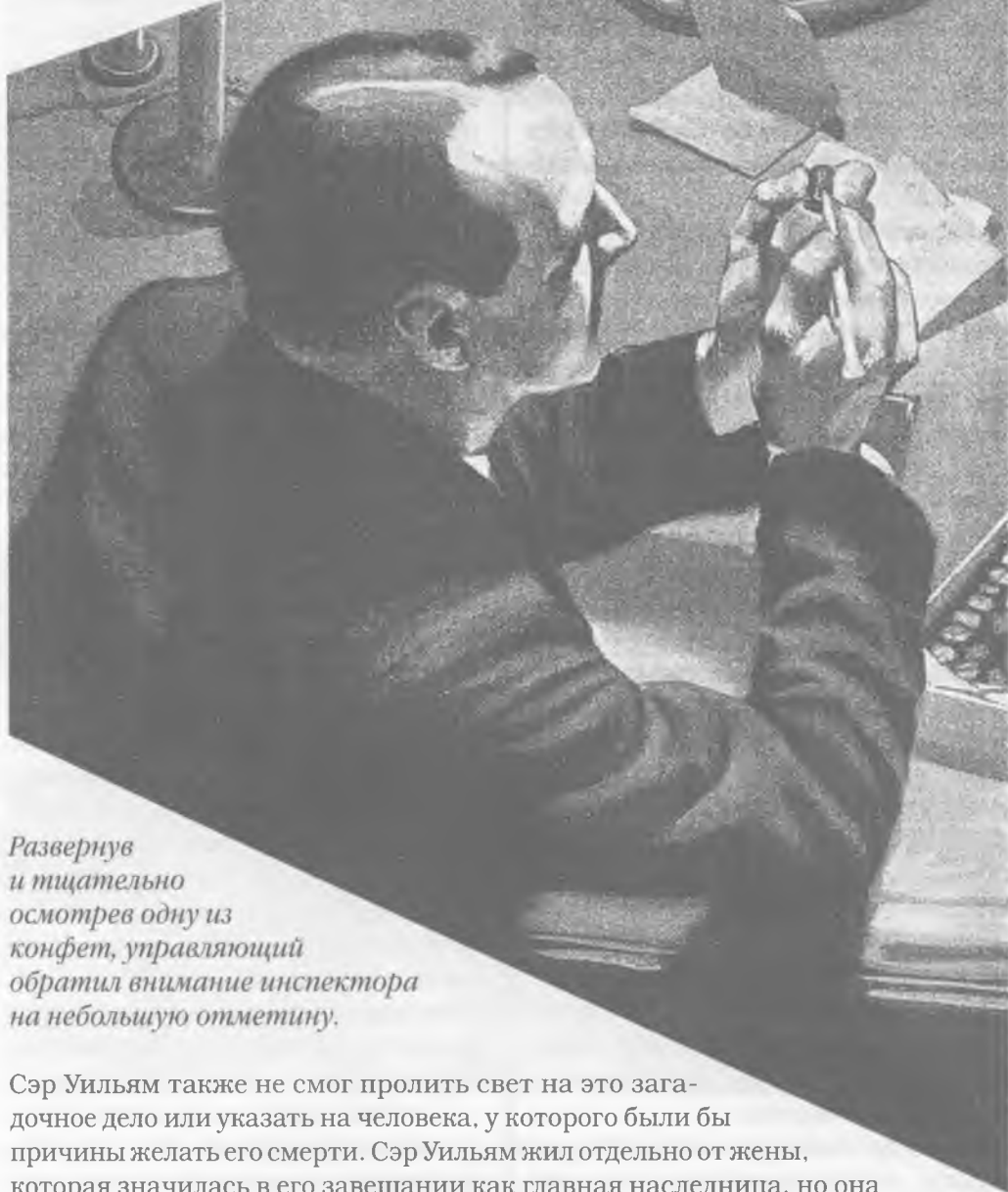
Развернув и тщательно осмотрев одну из конфет, управляющий обратил внимание инспектора на небольшую отметину.

Видимо, снизу в обертке проделали маленькое отверстие, удалили таким образом безвредную начинку и ввели внутрь отравленную, а затем заделали отверстие расплавленным шоколадом. Простейшая операция.

Управляющий рассмотрел конфету в увеличительное стекло, и инспектор согласился с ним. Теперь ему было ясно, что кто-то умышленно пытался отравить сэра Уильяма Анструзера.

Скотленд-Ярд удвоил усилия. Конфеты снова отправили на экспертизу, снова допросили сэра Уильяма, а так-

же Бересфорда, который к тому времени пришел в сознание. Доктор настоял на том, чтобы до следующего дня весть о кончине жены от больного держали в секрете, так как при его состоянии шок мог оказаться смертельным. Таким образом, от Бересфорда ничего полезного узнать не удалось.

Развернув и тщательно осмотрев одну из конфет, управляющий обратил внимание инспектора на небольшую отметину.

Сэр Уильям также не смог пролить свет на это загадочное дело или указать на человека, у которого были бы причины желать его смерти. Сэр Уильям жил отдельно от жены, которая значилась в его завещании как главная наследница, но она

находилась на юге Франции, что позднее и подтвердила французская полиция. Его поместье в Вустершире, несколько раз заложенное, отходило к племяннику по майорату; но доход от поместья едва покрывал

проценты по закладной, а племянник был значительно богаче самого сэра Уильяма, так что никакого мотива здесь быть не могло. Полиция зашла в тупик.

Экспертиза выявила несколько любопытных фактов. В качестве яда было использовано вовсе не масло горького миндаля, а, довольно неожиданно, похожий на него нитробензол, применяемый в производстве анилиновых красителей.

Каждая конфета в верхней части коробки содержала ровно шесть минимов* нитробензола, добавленного к смеси кирша и мараскина. Остальные конфеты были совершенно безвредны.

От других улик не было никакого толку. Для письма был взят фирменный бланк Мейсона, изготовленный типографией Мертона, что там и подтвердили, но как эта бумага попала в руки убийцы, выяснить не удалось. Наверняка можно было сказать только одно: края заметно пожелтели, значит, бумага была довольно старая. И конечно, невозможно было отыскать ту самую машинку, на которой письмо напечатали.

Мало что проясняла и обыкновенная оберточная бумага с адресом клуба сэра Уильяма, написанным от руки крупными буквами: посылка была отправлена накануне вечером из отделения на Саутгемптон-стрит между половиной девятого и половиной десятого — вот и все, что удалось узнать.

Ясно было только одно. Тот (а может, та), кто хотел лишить жизни сэра Уильяма, не собирался расплачиваться за нее своей.

— Теперь вы знаете то же, что и мы, мистер Шерингем, — сказал старший инспектор Морсби, закончив свой рассказ, — и если вы можете сказать, кто послал конфеты сэру Уильяму, вы знаете гораздо больше нашего.

Роджер задумчиво кивнул:

— Да, кошмарный случай. Как раз вчера я встретил одного приятеля —

он учился с Бересфордом в колледже. Не то чтобы они много общались — мой друг был помешан на античности, которая Бересфорда совершенно не интересовала. Так вот, этот приятель говорит, что смерть жены просто убила беднягу. Хорошо бы вам удалось выяснить, кто же послал эти конфеты, Морсби.

— Да уж, мистер Шерингем, — мрачно согласился Морсби.

— Ведь это мог быть кто угодно, — размышлял Роджер вслух. — А вдруг виновата женская ревность? Сэр Уильям, кажется, в личной жизни не отличается аскетизмом. Думаю, старые привязанности у него довольно стремительно сменяются новыми.

— Именно это я и пытался разузнать, мистер Шерингем, — возразил уязвленный старший инспектор. — Это было первое, что пришло мне в голову. Что тут сразу бросается в глаза? Что убийца — женщина. Только женщина могла послать мужчине отравленные конфеты. Мужчина послал бы бутылку отравленного виски или что-нибудь вроде того.

— Очень разумное замечание, Морсби, — сказал Роджер, продолжая размышлять. — Очень разумное. Сэр Уильям ничем не смог вам помочь?

— Не смог, — ответил Морсби с плохо скрываемой досадой, — или не захотел. Сначала я склонен был думать, что у него есть свои предположения и он просто прикрывает какую-то женщину. Но теперь я так не думаю.

— Гм! — Роджер, казалось, был не вполне согласен. — Это дело вам ничего не напоминает? Кажется, один сумасшедший как-то послал отравленные конфеты самому комиссару

* Миним — аптечная единица измерения в британской имперской системе мер для жидкостей, использовалась в основном в XIX—XX вв. (до 1971 г.); в некоторых странах применяется до сих пор.

полиции? Вы ведь знаете, у виртуозного преступления появляется много подражаний.

Морсби просиял:

— Забавно, что вы это сказали, мистер Шерингем, ведь я пришел к такому же заключению. Я проверил все версии, и получилось, что каждый, кто мог быть заинтересован в смерти сэра Уильяма из мести или из корысти, — каждый оказывается вне подозрений. В сущности, я почти уверен теперь, что эти конфеты послала какая-нибудь сумасшедшая, может быть, политическая или религиозная фанатичка. Возможно, она даже никогда его не видела. И если так, — вздохнул Морсби, — вряд ли я ее когда-нибудь поймаю.

— Если только в дело не вмешается Случай, как это часто бывает, — сказал Роджер с улыбкой. — Сколько преступлений было раскрыто исключительно благодаря везению. “Карающая рука Случая”. Прекрасное название для фильма. Но ведь это правда. Сам я не суеверен — иначе сказал бы, что жертву карает не случай, но само Провидение.

— Что ж, мистер Шерингем, — отозвался Морсби, который также был ничуть не суеверен, — по правде сказать, мне все равно, что это будет, лишь бы оно помогло мне изловить преступника.

Если Морсби навестил Роджера Шерингема в надежде хоть немного проникнуть в его мысли, то он ушел ни с чем.

Вообще-то, Роджер готов был согласиться с заключением старшего инспектора. Судя по всему, покушение на жизнь сэра Уильяма Анстру-

зера и убийство несчастной миссис Бересфорд были делом рук неизвестного безумца. По этой причине Роджер не попытался сам взяться за расследование, хотя и размышлял об этом случае несколько дней подряд. Тогда пришлось бы бесконечно наводить справки и проводить многочисленные допросы, на что у частного лица, в отличие от полиции, нет ни времени, ни полномочий. Дело заинтересовало его исключительно теоретически.

Но спустя неделю одна случайная встреча превратила этот теоретический интерес в самый что ни на есть практический и даже личный.

Роджер шел по Бонд-стрит, где ему предстояло суровое испытание — покупка новой шляпы. Вдруг он заметил, что по тротуару к нему стремительно приближается миссис Веррекер-ле-Флемминг. Это была хрупкая, элегантная дама, да к тому же богатая вдова, которая при любой возможности выражала Роджеру свое восхищение. Но она все время говорила. И не просто говорила, а говорила, говорила и говорила. Так что для Роджера, который сам любил поговорить, это было невыносимо. Он рванулся было через дорогу, но машины шли сплошным потоком. Бежать было некуда. И миссис Веррекер-ле-Флемминг принялась за него с большим энтузиазмом:

— О, мистер Шерингем! Вас-то мне и нужно. Мистер Шерингем, прошу, скажите мне. По секрету. Вы ведь возьметесь за это ужасное дело о смерти бедной Джоан Бересфорд?

Роджер, изобразив, как того требует светская беседа, глупую дере-

вянную улыбку, попытался вставить хоть словечко, но безуспешно.

— Когда я об этом услышала, я была потрясена, просто потрясена. Понимаете, мы с Джоан были очень хорошими подругами. Я ее очень близко знала. И как страшно, как чудовищно, что она сама навлекла на себя беду. Разве это не ужасно?

Тут Роджер решил отложить побег.

— Как вы сказали? — успел он спросить с ноткой недоверия в голосе.

— Я думаю, это и называется трагической иронией, — продолжала тараторить миссис Веррекер-ле-Флемминг. — Потому что это действительно довольно трагично, и я в жизни не встречала такой ужасной иронии. Вы, конечно, знаете, что она заключила с мужем пари на коробку конфет, и если бы не это пари, сэръ Уильям никогда бы не отдал ему эти отравленные конфеты, а сам бы их съел и умер, да и пожалуйста, тем лучше, да? Так вот, мистер Шерингем...

Миссис Веррекер-ле-Флемминг понизила голос до заговорщического шепота и, совершенно войдя в роль, огляделась по сторонам.

— Я никому этого не рассказывала, но вам скажу, потому что вы поймете, как это важно. Джоан вела нечестную игру.

— Что вы имеете в виду? — спросил Роджер, совсем сбитый с толку.

Миссис Веррекер-ле-Флемминг засияла, видя, какой эффект произвели ее слова.

— Да ведь она уже видела пьесу! Мы вместе с ней смотрели, на той же неделе, когда была премьера. Она с самого начала знала, кто преступник.

— Не может быть!

Удивление Роджера превзошло все ожидания миссис Веррекер-ле-Флемминг.

— Вот он, Карающий Случай! Никто от него не огражден.

— Вы хотите сказать, высшая справедливость? — прощбетала миссис Веррекер-ле-Флемминг, которой было довольно сложно понять замечание Роджера. — Надо же, Джоан Бересфорд! Просто удивительно. Никогда бы не подумала, что Джоан может так поступить. Она всегда была такой хорошей. Разве только немного прижимистой, при ее-то деньгах, ну да это пустяки. Конечно, она просто решила разыграть мужа, но мне всегда казалось, что Джоан такая серьезная, мистер Шерингем. Люди ведь обычно не говорят о чести, о правде, об игре по правилам — это само собой разумеется. А она постоянно об этом говорила. Все твердила: то нечестно, это не по правилам. И вот бедняжка сама поплатилась за то, что сыграла не по правилам. Что ни говорите, ведь не лжет старая пословица, а?

— Какая пословица? — проговорил Роджер, загипнотизированный этим потоком слов.

— Ну как же, в тихом омуте черти водятся. И боюсь, у Джоан было немало чертей, — вздохнула миссис Веррекер-ле-Флемминг. Видимо, наличие чертей считалось в обществе серьезным недостатком. — Похоже, она меня обманывала. Не могла она быть такой честной и правдивой, какой всегда притворялась, скажите, ведь так? Я все думаю, неужели девушка, которая могла обмануть мужа по такому ничтожному поводу, никогда не... Конечно, я не хочу

говорить ничего плохого о бедняжке Джоан теперь, когда ее нет в живых, но вряд ли она была таким уж ангелом во плоти, как вы думаете? Я хочу сказать, — поспешила миссис Веррекер-ле-Флемминг смягчить последние свои предположения, — я считаю, что психология — это безумно интересно, не правда ли, мистер Шерингем?

— Иногда да, — мрачно согласился Роджер. — Вы упомянули сэра Уильяма Анструзера. Вы и с ним знакомы?

— Немного знакома, — равнодушно отозвалась миссис Веррекер-ле-Флемминг. — Отвратительный тип! Постоянно за кем-нибудь ухлестывает. А когда женщина ему надоедает, он просто бросает ее — фьють! — и все. По крайней мере, — поспешно добавила миссис Веррекер-ле-Флемминг, — по крайней мере, так мне говорили.

— А что случается, если женщина не согласна быть брошенной?

— Боже мой, да откуда же мне знать! Вы, наверное, слышали, что недавно произошло?

Миссис Веррекер-ле-Флемминг снова затараторила, и румянец на ее щеках разгорелся гораздо ярче, чем предназначила ему искусная кисть.

— Он теперь связался с этой Брайс. У нее муж торгует нефтью или бензином... или чем-то там еще — не помню, на чем уж он нажился. Началось все недели три назад. Казалось бы, теперь, когда на сэре Уильяме частично лежит ответственность за смерть бедняжки Джоан, он хоть немного уgomонится, и что же? Ничего подобного; он...

Но Роджера в тот момент интересовало другое.

— Как жаль, что в тот вечер вы не были с Бересфордами в "Имперiale". При вас Джоан не стала бы заключать пари, — произнес он с невинным видом. — Или были?

— Я? — удивилась миссис Веррекер-ле-Флемминг. — Господи, конечно нет. Я была на новом представлении в "Павильоне". Меня пригласила в свою ложу леди Гейвл-Айток.

— А, вот как. Да, там прекрасная программа. Скетч "Любовный треугольник", по-моему, очень хорош, не правда ли?

— "Любовный треугольник"? — неуверенно переспросила миссис Веррекер-ле-Флемминг.

— Да, в первом отделении.

— Но тогда я его не видела! Боюсь, я пришла ужасно поздно, — ответила миссис Веррекер-ле-Флемминг и с чувством добавила, — но, кажется, я всегда прихожу слишком поздно.

До конца разговора Роджер твердо держался театральной темы. Но прежде чем уйти, он выяснил, что у его собеседницы есть фотографии Бересфордов и сэра Уильяма Анструзера, и тут же добился позволения позаимствовать их на некоторое время. Как только миссис Веррекер-ле-Флемминг скрылась из виду, он поймал такси и назвал ее адрес. Он подумал, что лучше будет воспользоваться любезностью миссис Веррекер-ле-Флемминг именно теперь, когда ему не грозит еще одна беседа с ней.

Горничную совсем не удивила цель его визита, и она сразу проводила его в гостиную. Один из углов комнаты был заставлен фотографиями в

LENGTHENING EVENINGS
are made Idyllic with

Maiden Lyons Chocolates

FOUR SHILLINGS PER POUND

серебряных рамках, изображавшими многочисленных друзей миссис Веррекер-ле-Флемминг. Роджер принялся с интересом их рассматривать и в конце концов вместо двух фотографий забрал шесть: сэра Уильяма, мистера и миссис Бересфорд, двух незнакомых джентльменов пример-

но того же возраста, что и сэр Уильям, а также портрет самой миссис Веррекер-ле-Флемминг. Роджер любил запутывать следы.

Остаток дня он провел в хлопотах.

Миссис Веррекер-ле-Флемминг его действия показались бы не просто загадочными, но совершенно бес-

смысленными. К примеру, он зашел в публичную библиотеку, чтобы взглянуть в какой-то справочник, после чего отправился на такси в “Англо-Азиатскую парфюмерную компанию”. Там он спросил некоего мистера Джозефа Ли Хардвика и был явно расстроен, узнав, что этот джентльмен не является сотрудником компании и о нем здесь даже не слыхали. Оставить поиски Роджер согласился лишь после продолжительных расспросов о работе компании и всех ее филиалов.

Затем он поехал к Уиллу и Уилсону — в широко известную контору, которая защищала торговые интересы своих клиентов и предоставляла консультации по вложению капитала. Там он зарегистрировался и, сообщив о своем намерении вложить в какое-нибудь дело крупную сумму, заполнил анкету с пометкой “совершенно секретно”. Оттуда он отправился на Пикадилли, в клуб “Рейнбоу”. Без тени смущения он заявил, что представляет Скотленд-Ярд, и расспросил портье об обстоятельствах недавней трагедии.

— Я полагаю, сэр Уильям не ужинал здесь накануне происшествия? — спросил он под конец как бы между прочим.

Оказалось, что ужинал. Сэр Уильям имел обыкновение ужинать в клубе три раза в неделю.

— Но мне казалось, в тот вечер его не было в клубе? — нахмурился Роджер.

Портье принялся горячо его уверять, что сэр Уильям приходил. Это подтвердил и официант, к которому портье обратился за поддержкой. Сэр

Уильям поужинал довольно поздно и оставался в столовой примерно до девяти. Вечер он провел здесь же, по крайней мере часть вечера — официант утверждал, что полчаса спустя, а может и позже, сам приносил ему в гостиную виски с содовой.

Из клуба Роджер, взяв такси, поехал к Мертону. Как оказалось, ему понадобилась новая почтовая бумага совершенно определенного типа, и он обстоятельно, со всеми подробностями рассказал юной продавщице, какая именно бумага ему требуется. Вручив ему книгу с образцами, девушка предложила Роджеру самому посмотреть, не найдется ли там подходящего сорта. Перелистывая страницы, он многословно объяснил продавщице, что о Мертоне услышал от близкого друга, фотографию которого он сегодня случайно захватил с собой. Не правда ли, любопытное совпадение? Девушка с ним согласилась.

— Думаю, последний раз мой друг был здесь недели две назад, — сказал Роджер, доставая фотографию. — Не узнаете?

Девушка без особого интереса взглянула на фотографию.

— А, да. Теперь припоминаю. Он тоже заходил за почтовой бумагой, да? Так это ваш друг. И правда, как тесен мир. Но такую бумагу сейчас многие покупают.

Роджер зашел домой поужинать. Однако он все никак не мог успокоиться и из Олбани отправился на Пикадилли. В задумчивости бродил он по площади и по привычке остановился у “Павильона” посмотреть фотографии с премьеры. В следующий

раз он опомнился уже на Джермин-стрит, у театра “Империял”. Взглянув на афишу “Треснувшего черепа”, он прочел, что представление начинается в половине девятого. Роджер посмотрел на часы — до начала спектакля оставалась одна минута. Нужно было как-то убить вечер. Он вошел в театр.

Утром Роджер в необычно ранний для него час явился к Морсби в Скотленд-Ярд.

— Морсби, вы должны кое-что для меня сделать, — начал он без всякого вступления. — Мне нужен таксист, который вечером накануне убийства примерно в десять минут десятого забрал пассажира откуда-то с площади Пикадилли и отвез на Стрэнд, высадив его неподалеку от Саутгемптон-стрит. И мне нужен другой таксист, который доставил того же человека обратно. Впрочем, я не уверен, что туда он поехал на такси. Или одна и та же машина везла его туда и обратно, хотя в этом я сомневаюсь. В любом случае постарайтесь разузнать это для меня, хорошо?

— Что вы там затеяли, мистер Шерингем? — спросил Морсби с подозрением.

— Хочу опровергнуть одно любопытное алиби, — невозмутимо ответил Роджер. — Кстати, я знаю, кто послал сэру Уильяму конфеты. А сейчас я готовлю для вас систему доказательств. Позвоните мне, когда разыщете таксистов.

И он удалился, оставив Морсби в полной растерянности.

Остаток дня Роджер провел в поисках подержанной пишущей машинки. Причем ему непременно

но нужна была модель “Гамильтон № 4”*. Когда ему предлагали обратить внимание на другие образцы, он решительно отказывался и объяснял, что “Гамильтон № 4” ему настоятельно рекомендовал друг, который сам приобрел такую же машинку около трех недель назад. Может быть, как раз в этом магазине? Нет? За последние три месяца не было продано ни одной такой машинки? Удивительно.

Наконец нашелся магазин, в котором ему сообщили, что в прошлом месяце они продали одну машинку “Гамильтон № 4”. Это было еще удивительнее.

В половине пятого Роджер вернулся домой и стал ждать звонка от Морсби. Тот позвонил в половине шестого.

— У меня в кабинете не протолкнуться от таксистов — их тут четырнадцать человек, — раздраженно заявил Морсби. — Что мне с ними делать?

— Не отпускайте их, пока я не приеду, старший инспектор, — с достоинством ответил Роджер.

Вопреки ожиданиям, допрос четырнадцати человек прошел очень быстро. Держа фотографию так, чтобы инспектор не мог ее видеть, Роджер по очереди спрашивал каждого таксиста, не припоминает ли он такого пассажира. И девятый уверенно сказал, что узнает человека на фотографии.

Инспектор по знаку Роджера отпустил таксистов, затем сел за свой рабочий стол и попытался принять официальный вид. Роджер уселся на

* См. глоссарий (42).

стол и принялся болтать ногами; вид у него при этом был самый неофициальный. Из его кармана выпала фотография и плавно опустилась под стол изображением вниз. Морсби это увидел, но поднимать снимок не стал.

— Может быть, теперь вы наконец объясните мне, что вы делаете, мистер Шерингем? — спросил он.

— Конечно, Морсби, — любезно ответил Роджер. — Я делаю за вас вашу работу. Вообще-то, я уже нашел разгадку. А вот вам доказательство.

Тут он извлек из своего бумажника старое письмо и передал его старшему инспектору, спросив:

— Как по-вашему, оно было напечатано на той же машинке, что и поддельное письмо, или нет?

Некоторое время Морсби рассматривал письмо, затем достал из ящика стола подделку и тщательно сравнил два листа.

— Мистер Шерингем, — мрачно произнес он, — где вы это взяли?

— В магазине подержанных пишущих машинок на Сент-Мартинс-лейн. Месяц назад кто-то купил у них такую машинку. На фотографии, которую я показал, они узнали покупателя. Оказалось, они некоторое время печатали на этой машинке, чтобы проверить ее после ремонта, так что я легко добыл листок с образцом.

— И где эта машинка теперь?

— Думаю, на дне Темзы, — улыбнулся Роджер. — Вы уж мне поверьте, наш преступник постарался ограбить себя от ненужных случайностей. Но это не важно. Доказательство перед вами.

— Гм! Положим, что так, — согласился Морсби. — А как же бумага Мейсона?

— Как я и предположил, обратив внимание на пожелтевшие края, бумага была взята из книги с образцами, — невозмутимо ответил Роджер. — Я могу доказать, что преступник держал эту книгу в руках, к тому же в ней не хватает листа, и я уверен, что, вложив туда это письмо, мы вернем недостающую страницу.

— Прекрасно. — Голос Морсби потеплел.

— Теперь о таксисте. У преступника было алиби. Вы сами слышали, как оно было опровергнуто. Между десятью и двадцатью пятью минутами десятого, когда посылка, видимо, и была отправлена, убийца поспешил на Саутгемптон-стрит, воспользовавшись автобусом или метро, а назад вернулся, как я и думал, на такси, потому что время поджимало.

— И убийца, мистер Шерингем?..

— Убийца — тот, чья фотография сейчас у меня в кармане, — отрезал Роджер. — Помните, я говорил на днях про карающую руку Случая — что это прекрасное название для фильма? Так вот, Случай снова вмешался. На Бонд-стрит я столкнулся с одной глупой женщиной и благодаря чистой случайности узнал то, что сразу же указало мне на человека, пославшего конфеты сэру Уильяму. Конечно, были и другие зацепки, их я также проверил, но тогда, на Бонд-стрит, меня просто осенило — я представил себе все от начала до конца.

— Так кто убийца, мистер Шерингем? — повторил Морсби.

— Какой изящный план, — мечтательно продолжал Роджер. — И ведь нам ни разу не пришло в голову, что мы с самого начала сделали ошибку, на которую убийца и рассчитывал.

— Какую еще ошибку? — спросил Морсби.

— Мы думали, что план не сработал. Что убит был не тот человек. В этом-то вся соль. План сработал. И сработал блестяще. Убит был именно тот человек. Именно тот.

Морсби изумленно уставился на Роджера:

— Но сэр, как это вообще понимать?

— Настоящей жертвой с самого начала была миссис Бересфорд. Вот в чем красота замысла. Все было предусмотрено. Убийца предугадал, что сэр Уильям отдаст конфеты Бересфорду. И что мы будем искать преступника среди знакомых сэра Уильяма, но не погибшей миссис Бересфорд. Возможно, он даже предугадал, что убийцей сочтут женщину!

Морсби, который больше не мог терпеть, поднял с пола фотографию:

— Боже мой! Мистер Шерингем, вы же не хотите сказать, что это... сам сэр Уильям!

— Он хотел избавиться от миссис Бересфорд, — продолжал Роджер. — Вначале она ему нравилась, хотя, конечно, гораздо больше ему нравились ее капиталы. Проблема в том, что она была чересчур прижимиста. Ему были необходимы ее деньги, хотя бы часть, а она не собиралась с ними расставаться. Вот и мотив. Я составил список компаний, в которые он вложил средства. Оказалось, все они на грани банкротства. Своих денег у

него больше не было, значит, их нужно было где-то достать.

Теперь о нитробензоле, который нас так озадачил. Тут все объясняется очень просто. Из справочника я узнал, что нитробензол, кроме всего прочего, широко применяется в парфюмерии. А у него был парфюмерный бизнес. "Англо-Азиатская парфюмерная компания". Вот откуда он знал, что нитробензол ядовит. Но вряд ли он там его и раздобыл. Он гораздо хитрее. Видимо, изготовил сам. Любой школьник знает, как из бензола и азотной кислоты получить нитробензол.

— Но... ведь сэр Уильям, — произнес Морсби, запинаясь, — сэр Уильям учился в Итоне.

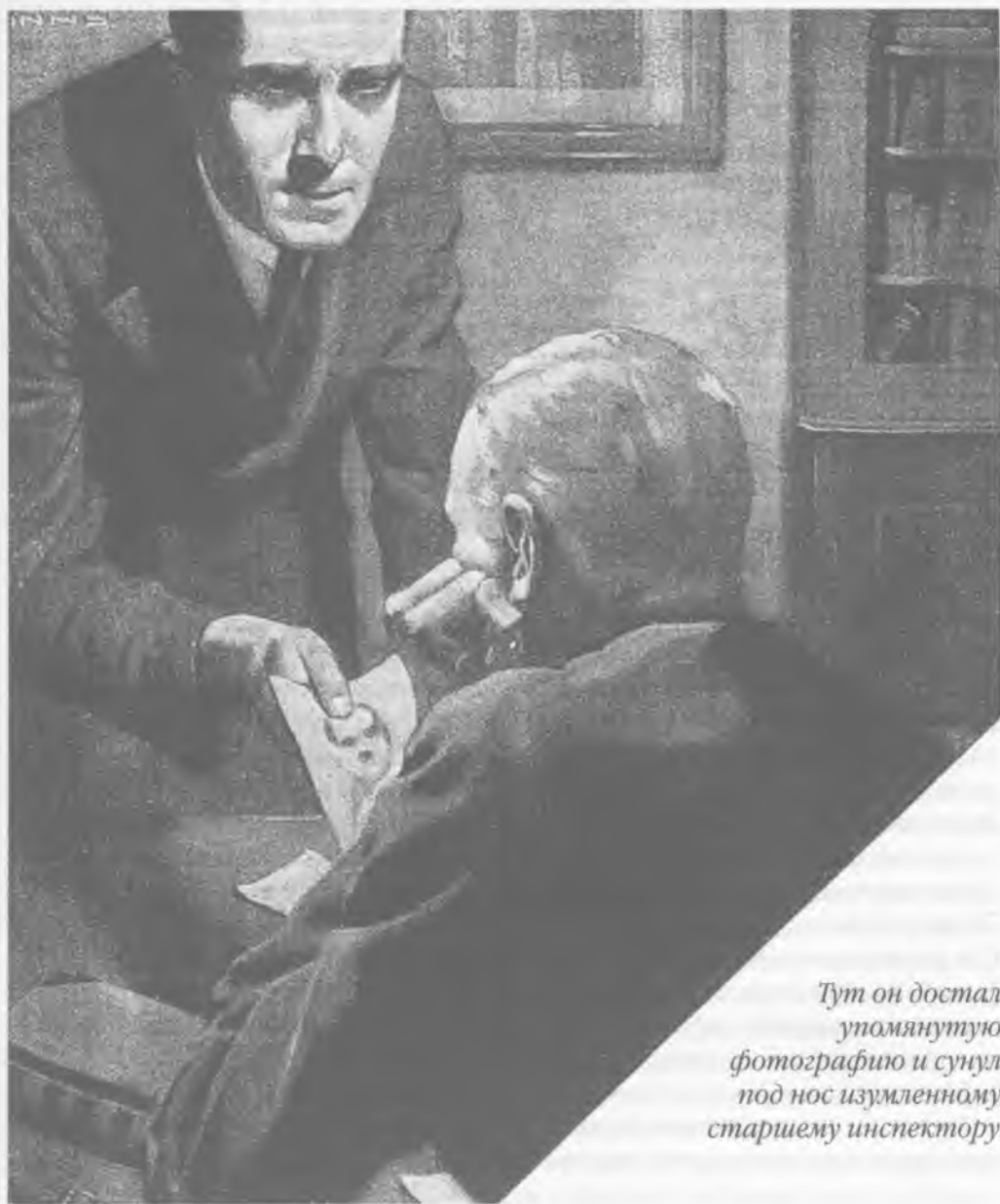
— Сэр Уильям? — едко переспросил Роджер. — А кто говорит о сэре Уильяме? Я же вам сказал, что фотография убийцы у меня в кармане.

Тут он достал упомянутую фотографию и сунул под нос изумленному старшему инспектору.

— Это Бересфорд! Бересфорд и убил свою жену.

Дальше Роджер продолжал спокойнее:

— Бересфорду хотелось еще пожить в свое удовольствие, так что деньги жены ему были необходимы, а вот сама жена ни к чему. Тогда он разработал план, предусмотрев, как ему казалось, все возможные случайности. Бересфорд обеспечил себе нехитрое алиби: если бы на его счет возникли подозрения, выяснилось бы, что он был с женой в "Империяле". Но во время первого антракта он незаметно ускользнул из театра

*Тут он достал
упомянутую
фотографию и сунул
под нос изумленному
старшему инспектору.*

(вчера я сам, созерцая эту невероятную чушь, просидел до конца первого акта, чтобы узнать, когда наступает перерыв). Добравшись до Стрэнда, он отправил посылку и вернулся в театр на такси. В его распоряжении

было десять минут, но если бы он вошел в ложу чуть позже, никто бы не обратил внимания.

Остальное прошло как по маслу. Бересфорд знал, что сэр Уильям неизменно является в клуб ровно в десять

тридцать утра; он знал почти наверняка, что легко сможет заполучить конфеты, — достаточно будет намекнуть; знал, что полиция сосредоточится на сэре Уильяме и пойдет по ложным следам. Он не стал уничтожать поддельное письмо и оберточную бумагу, что было очень предусмотрительно: эти улики должны были отвести от него подозрение и вдобавок указать на какого-то неизвестного безумца.

— Что ж, мистер Шерингем, вы очень проникательны, — произнес Морсби с тихим вздохом, однако вполне добродушно. — Да, очень проникательны. И все-таки скажите, после каких слов той дамы вас осенило?

— Дело даже не в ее словах, а в том, что я услышал за ними, если можно так выразиться. Она сказала, что миссис Бересфорд заключила пари, но знала ответ заранее. Я сделал вывод, что для миссис Бересфорд, при ее-то характере, было бы немыслимо заключить пари, зная ответ. Следовательно, она этого не делала. Следовательно, никакого пари не было. Следовательно, Бересфорд солгал. Следовательно, конфеты нужны были Бересфорду по каким-то иным, неизвестным причинам. В конце концов, только он мог подтвердить, что пари состоялось.

Конечно, он не мог оставить жену одну, пока не убедился, что она при-

няла смертельную дозу, а возможно, пока не убедил ее съесть не меньше шести конфет. Вот почему в каждую было добавлено ровно шесть минимов яда. К тому же так он и сам мог съесть пару штук без риска для жизни. Ничего не скажешь, ловкий ход.

Тут Морсби поднялся с места:

— Мистер Шерингем, я вам очень признателен. Теперь и мне есть чем заняться.

Морсби почесал затылок.

— Значит, карающая рука Случая? Но ведь кое-что Бересфорд как раз предоставил воле Случая, а, мистер Шерингем? А вдруг сэру Уильям просто не отдал бы ему конфеты — и что тогда? Вдруг он оставил бы их себе, чтобы подарить какой-нибудь даме?

Роджер фыркнул. На этот раз он почувствовал за Бересфорда настоящую гордость.

— Помилуйте, Морсби! Если б сэру Уильям не отдал ему конфеты, это бы мало что изменило. Все-таки мой подопечный заслуживает уважения. Не думаете же вы, что он отправил сэру Уильяму отравленные конфеты? Как бы не так! Сэру Уильяму он послал совершенно безвредные, а по дороге домой подменил коробку. Черт возьми, Бересфорд не собирался ничего оставлять на волю Случая.

— Если только это можно назвать случаем, — добавил Роджер, подумав.

ТОЛЬКО НЕ ДВОРЕЦКИЙ **ЗОЛОТОЙ ВЕК БРИТАНСКОГО ДЕТЕКТИВА**

Главный редактор Варвара Горностаева
Художники Андрей Бондаренко, Дмитрий Черногаев
Ведущий редактор Ирина Кузнецова
Редакторы Александра Борисенко, Игорь Мокин
Ответственный за выпуск Мария Косова
Технический редактор Татьяна Тимошина
Корректор Наталия Усольцева

ООО "Издательство Астрель",
обладатель товарного знака "Издательство Corpus"
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, 3а

Подписано в печать 15.05.2012. Формат 70x100 1/16
Бумага офсетная. Гарнитуры "BookmanС" и "FranklinGothicС"
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,5
Доп. тираж 4000 экз. Заказ № 3659/12.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение
всей книги или любой ее части воспрещается без письменного
разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами в ООО "ИПК Парето-Принт"
г. Тверь, www.pareto-print.ru

По вопросам оптовой покупки книг
Издательской группы "АСТ" обращаться по адресу:
г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж
Тел.: (495) 615-01-01, 232-17-16

9 785271 385339

